

ТАКЕ IT EASY или ХРОНИКИ
ЛЫСОГО АРХИТЕКТОРА

АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ
ЕЛЕНА МИЩЕНКО

КАВКАЗСКАЯ ОДИССЕЯ И ГРАФ НИКОЛАЕВИЧ



КНИГА 3

Эта серия книг посвящается архитекторам и художникам — шестидесятникам.

Удивительные приключения главного героя, его путешествия, встречи с крупнейшими архитекторами Украины, России, Франции, Японии, США. Тяготы эмиграции и проблемы русской комьюнити Филадельфии. Жизнь архитектурно-художественной общественности Украины 60-80х годов и Филадельфии 90-2000х годов. Личные проблемы и творческие порывы, зачастую веселые и смешные, а иногда грустные, как сама жизнь. Архитектурные конкурсы на Украине и в Америке. Книгу украшают многочисленные смешные рисунки и оптимизм авторов.

Серия состоит из 15 книг, связанных общими героями и общим сюжетом.

Иллюстрации Александра Штейнберга.

**Александр Штейнберг
Елена Мищенко
КАВКАЗСКАЯ ОДИССЕЯ И ГРАФ
НИКОЛАЕВИЧ**

ВТОРОЙ REPRESENTATIVE



Сейчас я тоже сидел в машине, нагруженной подрамниками. Я, как ты помнишь, дорогой читатель, направлялся к своему второму репрезентативу, но был остановлен невероятной красотой синагоги Фрэнк Ллойд Райта на Old York Road. Моего второго благодетеля звали Грэг. Он был молодым, но уже довольно успешным адвокатом и жил с родителями в весьма престижном районе — Elkins Park.

Мы с моей супругой Леночкой подкатили к старому большому дому. Открыл сам хозяин, помог внести картины в дом. Очутившись в приемной, мы стали осматриваться. Приемная была очень большой и довольно скупо обставленной. Напротив входа находилась широкая распашная лестница. Из приемной мы попали в гостиную — также очень

большую комнату со старинной мебелью. Здесь хозяин стремился всю показать свой аристократизм. На столиках лежали безделушки, сделанные под старину. На пюпитрах были открыты старинные книги. Насчет его псевдоаристократизма мы уже были проинформированы. Его папаша торговал ювелирными изделиями.

Грэг держался бодрячком. Он помог нам расставить картины вдоль стен, и тут же не преминули появиться его родители. Мама бросилась с объятиями, а папаша громко «прохауарьюкал», демонстрируя огромную белоснежную новую челюсть.

— Правда, им повезло, что они познакомились со мной? — громко задал сакраментальный вопрос скромный Грэг, хотя познакомились не мы с ним, а он с нами.

— О-о! — дружно ответили родители, — он вас сделает богатыми и знаменитыми.

Эта формула была нам уже знакома.

— Я помогу вам продать картины. Естественно, не бескорыстно, но о проценте мы договоримся потом. Да что там тянуть? Начнем прямо сейчас. — Он ухватился за телефонную трубку и начал набирать чей-то номер.

Папа с мамой умилились и захлопали в ладоши. Мы были поражены такой

оперативностью. Действительно, через 15 минут появились два посетителя. Одним из них оказался его двоюродный брат, с которым он громогласно обсудил свои заслуги. Второй была владелица соседнего дома. Картины она посмотрела довольно бегло — видно, они ее не очень интересовали. После этого она заявила:

— Вот я посмотрела ваши картины, а как только вы освободитесь, мы пойдем посмотрим мою коллекцию.

Через 20 минут она уже затащила нас с супругой в свой дом. Дом был тоже очень большим, и картин в нем было довольно много. Собственно, это были не картины, а репродукции средних американских абстракционистов, оправленные в богатые рамы, совершенно им не соответствующие. С этим видом собирателей я был уже знаком. Они покупали репродукции либо на флимаркете, либо в антикварках на Vine Street, а потом хвастались перед знакомыми своими знаниями живописи, и, в связи с этим, своими удачными покупками, так как только они могли разглядеть в этой работе большого мастера. Эдакие Остроуховы.

Часто я встречал таких коллекционеров среди русских эмигрантов, которые приехали в 70-е, давно обзавелись домами и всегда искали перед кем бы похвастаться своими достижениями. Нас однажды пригласил к себе один строительный

мастер, как оказалось, большой любитель живописи. Они с супругой подвели нас к гравюре и замирающим шепотом начали нам говорить, что это настоящий Пикассо.

— Я знаю, — спокойно ответил я. — Но почему так таинственно и зачем такая рама?

— Ты не понял, это подлинник. Мы его случайно обнаружили в Париже и купили, смешно сказать, за сто долларов.

— Вы уверены, что это — подлинник?

— Вот посмотри. Во-первых, тут есть подпись самого Пикассо, а во-вторых, тут карандашом поставлено два номера дробью 127 и 400. Это значит, что мастер отпечатал таких 400 гравюр, и номер нашей 127.

Я попытался объяснить, что это полиграфическая фирма отпечатала 400 репродукций с этой гравюры, что это офсетная печать, а не гравюра, но, увидев искаженное злобой лицо хозяйки, которую пытались лишить ее фетиша, спустил все на тормозах. Больше нас в этот дом не приглашали, очевидно, чтобы мы случайно не разоблачили их подлинники.

Другой наш киевский знакомый, также живущий здесь много лет и тоже занимающийся собирательством «картин», подходил к этому вопросу проще. Он приобретал их на флимаркете и считал, что только его тонкий вкус и чутье

позволяют ему покупать за копейки настоящие шедевры. Со мной он уж, так и быть, согласен был поделиться славой.

— Шуточка, — говорил он мне, сильно картавя, — пойдем со мною в бейсмент. Пусть дамы остаются навегху, они в этом деле все гавно ничего не понимают. Только мы с тобой сможем оценить то, что я тебе покажу. А покажу я тебе такое, что ты упадешь. Как могла сохганиться такая вещь, я пгосто не пгедставляю. А я ее гаспознал уже издали. Я сейчас зажгу свет, чтобы ты лучше мог гассмотреть. Ну как? — он с торжеством посмотрел на меня.

Есть такой американский художник Эл Хог, который всегда рисует зеленую волну с белым гребешком и луну. Его принты обычно рекламирует «Art Business News».

— Так это же Эл Хог, — сказал я.

— Шугочка, ты гений. Я тоже о нем слышал. Ну, а когда я газобгал подпись, я так и обомлел.

— А зачем тебе принт Хога? — сказал я опрометчиво.

— Какой же это пгинт, — сказал он со слезой в голосе. — Ты что, не видишь мазки?

— Алик, эти мазки сделаны не краской. Это лак. И если ты внимательно посмотришь, они только на волне. Мы можем раскантовать, если

хочешь, и ты увидишь, что это не холст, а тонкая бумага.

— Нет, гаскантовывать я ничего не буду. — Он был очень расстроен, но не сдавался. — Я думаю, что ты ошибаешься.

Однажды мне позвонил мой family doctor и попросил разрешения приехать ко мне посоветоваться. Зайдя к нам, он вывалил на стол небольшую работу в роскошной раме.

— Была у меня, знаете ли, такая пикантная картина, но в плохой раме. Я решил ее перекантовать и отдал китайцу в галерее на нашем моле, так он ее испортил.

— Послушайте, так это же репродукция Буше! Но кому же пришло в голову ее портить и дорисовывать какие-то дикие деревья?

— Я не знаю Буше это или нет, но китаец мне ее испортил. Он согласен заплатить мне 300 долларов за ущерб, но я не знаю, сколько она стоит и сколько с него требовать.

— Бедный китаец! Это какой-то чудак взял и дорисовал здесь деревья гуашью, а китаец, чтобы как следует ее окантовать, промазал ее клеем, и гуашь поплыла.

— Так что, вы считаете, что 300 долларов достаточно?

— За эти деньги вы купите тридцать таких принтов.

— Скажу китайцу, что он вас должен благодарить за доброту. Бог с ним, тем более, что раму он мне тоже оставил.

С соседкой Грега было еще сложнее. Она требовала восторгов. У нас не получалось. Мы с трудом отделались от этого тяжелого визита за полчаса.

На следующей встрече Грег нам продемонстрировал, какой роскошный альбом он купил для фотографий моих работ. Мы удостоились чести быть представленными его невесте, огромной дылде на голову выше его. Они были веселы, они смеялись, предчувствуя выгодный «deal».

У американцев свое понятие юмора, у нас свое. Наш хороший анекдот не вызывает у них никаких эмоций, нам же довольно трудно воспринимать американский юмор. Когда Грэг представлял свою невесту, он сказал:

— Это дама, которой я подарил свое сердце.

— Лучше бы ты подарил мне свой кошелек, — ответила прямолинейная дама.

Все семейство смеялось по поводу этой шутки полчаса, и потом неоднократно повторяло ее.

— Ее родственники, между прочим, живут в Мексике, — доверительно сказал Грэг, — если у нас все пойдет хорошо, мы все вместе поедem в Мексику, там есть богатые люди, которые любят живопись. Вы оплачиваете, я организовываю.

Следующие наши встречи носили странный характер. Он нам назначал свидания, но дома его не оказывалось. Мамаша нам сообщала, что он пошел играть в гольф, и там у него проблемы. Гольф он считал высшим признаком аристократизма, а игра в гольф, по его мнению, освобождала его от всех обязательств. «Вы же понимаете, какие там собираются игроки. Это как раз те люди, которые нам с вами нужны».

Мы этого не понимали, и после третьей бесплодной поездки сообщили ему, чтобы он приготовил мои работы, иначе у него будут неприятности.

Через несколько дней он позвонил:

— Вам крупно повезло. Скоро состоится большой престижный аукцион в отеле «Мариот». Я уже приготовил заявку. Привозите мне срочно картину Shabbat Dinner. Жду.

Картину мы привезли. Это был большой натюрморт со столом, накрытым старинным серебром, с фруктами, бокалами и свечами.

— Видите, я же говорил, что сделаю вас богатыми и знаменитыми. Аукцион в воскресенье. Я вам перезвоню в понедельник.

В понедельник он, конечно, не перезвонил, и мы позвонили ему сами. Я все время говорю «мы», так как только моя дорогая супруга Леночка могла с

ним общаться. Во-первых, я многого не понимал, во-вторых, он без конца врал, и это раздражало.

Когда он понял, что это мы, он заверещал, заблеял:

— Congratulations! Поздравляю! Ваша картина пользовалась большим успехом. Она одна ушла за три стартовых цены. Это — победа! Это — признание!

— Спасибо, спасибо. А когда мы сможем получить деньги?

— Какие деньги?! Это же благотворительный аукцион. Разве я вам этого не сказал? Нет, я точно говорил, это вы просто не поняли.

— Если бы вы сказали, мы бы не отдали картину. Мы не настолько богаты, чтобы заниматься благотворительностью.

— Вы просто ничего не понимаете в этих делах. Это необходимо, это самая лучшая реклама. О вас теперь знают многие люди, связанные с этим бизнесом. Такая реклама — и почти бесплатно.

— Ничего себе бесплатно!

— Вы еще будете меня благодарить.

Время благодарности наступило гораздо быстрее, чем думал Грэг. Через две недели к нам попал в руки красиво оформленный буклет этого аукциона, прошедшего в отеле «Мариот». Там, действительно, была моя картина, была приведена ее стартовая цена и указано, кто совершил donation,

то есть пожертвование. Оказалось, что этим человеком был не я, а Грэг. А это означало, что он будет списывать со своих налогов сумму от продажи этой картины. Мы позвонили Грэгу и попросили о встрече.

Когда мы приехали к нему, он нас встретил весьма приветливо, но когда мы показали ему каталог, его приветливость как рукой сняло.

— Что же это получается, Грэг? Вы, оказывается, занимаетесь пожертвованием чужой собственности.

Мистер Грэг был опытный юрист. Он знал, что совершает уголовно наказуемый поступок. Он побледнел, потом позеленел. У него началась истерика. Он постоянно выкрикивал.

— Вы меня бьете ниже пояса! Вы меня бьете ниже пояса!

Других аргументов он привести не мог. Мы забрали все мои работы и отвезли домой. Он помогал укладывать их в машину и все время робко спрашивал, что мы собираемся делать. Мы позвонили в офис, организовавший благотворительный аукцион, и объяснили, что произошло.

— Приносим вам свои извинения, — сказал клерк. — Вы можете подать в суд на Грэга, но вернуть картину, к сожалению, уже невозможно. Я

отдам распоряжение, чтобы сейчас же оформили все документы.

Через пару дней мы получили письмо с извинениями и большими благодарностями за нашу благотворительную акцию, которую случайно приписали другому. Подавать на него в суд было бессмысленно, так как его бы наказали, но мы бы от этого ничего не выиграли, а юристу пришлось бы платить.

В дальнейшем мы несколько раз встречали Грэга. Он бросался к нам с поцелуями, очевидно за то, что мы не дали ход этому делу. При этом он что-то опять бормотал насчет «богатых и знаменитых».

После этого мы охладели на время к различным representatives. Зато нам удалось организовать несколько выставок — в профессиональных галереях, в City Hall, в банках, клубах и синагогах. Иногда приходилось везти картины на довольно большие расстояния и даже в другие штаты. Это было не очень приятно, тем более что открытие, закрытие выставок и встреча с автором проходили по вечерам. Но я привык ездить на машине на дальние расстояния и по разным дорогам еще с давних шестидесятых. Одна из таких первых поездок была на Кавказ.

КАВКАЗСКАЯ ОДИССЕЯ



Приближался очередной отпуск. Мои друзья — Инна Немчинова и ее супруг Эдик предложили нам со Светой отправиться с ними за компанию на Кавказ на их машине. Инна — моя близкая приятельница, была страстной путешественницей и нашим неизменным штурманом, Эдик — большой автолюбитель. Машина, по тем временам, была надежная — «Москич-407» с двигателем от 412. Сели за разработку маршрута. Вариант, предложенный Эдиком, был невероятно обширен: и Ростовская область, и Северный Кавказ, и Дагестан, и Азербайджан, и Горный Карабах, и Нахичевань, и Армения, и Грузия, и чего там только не было. Мы пытались его сократить. Но натолкнулись на дикое сопротивление автора. После длительной борьбы маршрут был утвержден, и, следует признаться, в нем почти все осталось. Мы расписали его по дням без скидки на непредвиденные обстоятельства.

После этого началась новая борьба. Я объявил себя специалистом по упаковке багажа. Но когда Эдик выложил все, что он хочет с собой взять, я

понял, что это нереально, так как он просто решил уложить в багажник вторую машину, разобранную на запчасти. После длительных баталий удалось уговорить его взять один скат, а не два, отказаться от таких громоздких частей, как элементы коленвала и рессор. Но мы прекрасно понимали, что лучше пожертвовать своими фраками и вечерними платьями, чем любой запчастью.

Наконец, за два дня до отъезда, все было уложено: запчасти, два чемодана, одеяла, палатка, надувные матрасы и всякая мелочь. В субботу ни свет зря наша «Антилопа» стартовала на юг. Двинулись мы на Ростов. Погода была чудесная. Было то счастливое время, когда съезды с дорог не ограничивались. Вечером ставили палатку. Эдик с Инной ночевали в машине, мы в палатке. За Ростовом взяли курс на Северный Кавказ: Карачаево-Черкессия, Тиберда, Дамбай, Северный приют. На Северном приюте тогда тоже свободно можно было расположиться. Бросили машину, поднялись на Клухорский перевал. Жара, а озеро замерзшее — красота. На Северном приюте жили три дня, и, как это ни странно, никто нас не гонял. Я написал несколько этюдов. Это место я очень полюбил, но в следующие посещения нас поднимали ночью и заставляли уезжать. Покинув этот благословенный «приют», мы двинулись дальше к Каспию. Махачкала, Дербент, Кубачи,

колоритная архитектура, виртуозные чеканки, мечети, мусульманские кладбища, ночи, разрываемые воем цикад, утренние часы, испорченные множеством насекомых, обнаруженных в палатке. И, наконец, красавец Баку.

В Баку жил наш приятель Коля, украинец бакинского разлива. Так что мы лелеяли надежду наконец-то как следует выкупаться, натянуть парадную одежду и посетить хороший ресторан. Однако Коли дома не оказалось. Он был профессиональный спортсмен, а в летние месяцы водил туристические группы. Сейчас он, по предположению его маменьки, должен был находиться на озере Гек-Гель. Его родители приняли нас очень гостеприимно. Накормили различными блюдами азербайджанской кухни и уложили спать на кровати, что нам показалось невиданной роскошью.

На следующий день мы отправились осматривать город, а обедать решили в самом лучшем ресторане, который размещался в пьедестале памятника Кирову. Заказали коньяк «Баку», разные салаты и закуски. Средства у нас были ограничены, так что мы все тщательно посчитали заранее, но официант тут же сбил все наши карты. Когда он принес поднос, мы были несколько удивлены — на стол переехали икра,

балык, маринованный чеснок, какая-то зелень и прочие закуски.

— Мы же этого не заказывали! — воскликнул я.

— Заказывали, не заказывали. Я уже тридцать лет работаю официантом, так он меня будет учить, чем нужно закусывать коньяк «Баки».

Пришлось смириться. Вообще, отношение к деньгам здесь было несколько своеобразным. Сдачи мелочью не давали. Требовать мелочь считалось неприличным. Мой приятель незадолго до этого побывал в командировке в Баку. В последний день перед вылетом, когда деньги остались только на проезд в автобусе, умопомрачительный запах привел его к мангалу, у которого колдовал армянин. Он клал на бумажную тарелочку две котлетки — люля-кебаб и говорил «два рубл». Виталий не смог удержаться, но решил сэкономить остатки своих средств. И, когда подошла его очередь, он сказал:

— Мне одну котлетку.

— Зачем, дарагой, ты думаешь невкусный? Бери как все — тебе понравится.

— Да нет. Я, знаете, не очень голоден.

— Как хочешь, дарагой, — он бросил на тарелочку один люля-кебаб и провозгласил стандартную фразу. — Два рубл.

— Я чувствовал себя идиотом, — рассказывал впоследствии Виталий, — при моих мизерных

средствах я заплатил вдвое дороже других и остался голодным.

Посещение ресторана также наложило отпечаток на наш скромный бюджет. Последующие два дня в Баку мы занимались исключительно архитектурой и этнографией. График нас поджимал, и через два дня, осмотрев Девичью башню, творения Дадашева и Усейнова и прочие достопримечательности, мы отбыли в сторону Нухи — бывшей столицы Шехинских ханов. Дорога была не очень приятная — горы лысые. Когда темнело, на дорогу выходили шакалы и светили глазами, как фарами. В связи с этим ночевки особого удовольствия не доставляли.

По прибытии в Нуху мы выяснили, где размещается дворец Ширваншаха и отправились к нему. В нем велись реставрационные работы. Внутрь нас не пустили. Пошли искать начальника. Наконец, его нашли и началась бесконечная бесплодная беседа.

— Я член Союза архитекторов СССР. Вот членский билет. Мне и моим коллегам очень хочется посмотреть дворец Ширваншаха.

— Мусульманин?

— Нет. Но мы интересуемся азербайджанской архитектурой. Так что вы уж нам разрешите.

— Мусульманин?

— Да нет же, я говорю. Но мы архитекторы.

— Зачем женщин в брюках? У нас женщин в брюках не ходит.

— Да какую это играет роль? Они переоденутся перед тем, как мы зайдем.

— А второй твой человек мусульманин?

— Нет. Но он тоже интересуется азербайджанской архитектурой.

— Нэ пуцу. Нэ мусульманин. Женщин в брюках. Мы делаем реставраций. Никто нэ должен ходить во дворец. Все.

Положение было дурацким. В это время из ворот вышел парень, как мы поняли, реставратор. Он услышал конец разговора, подошел к нам и обратился к старцу.

— Слушай, отец. Мы тоже не мусульмане. Мы, как ты знаешь, из Москвы, а тем не менее уже три месяца занимаемся у вас реставрацией, и никого это не волнует. Так что можешь их пустить.

— Нэ разрешаю.

— Ребята, что вы его слушаете! Здесь в соседнем здании представитель Министерства культуры — интеллигентная дама. Идемте, я вас познакомлю. Она вам все сама покажет. Дама, действительно, была интеллигентной, а дворец оказался довольно скромных размеров. Реставрационные работы были весьма трудоемкими, так как на всех потолках были фигурные карнизы в виде сталактитов. Лепка

переплеталась с зеркальными участками — эдакая шкатулка. Когда мы поднялись на второй этаж, министерская дама начала объяснять нам нехитрую технологию:

— Здесь находился гарем. А здесь вот два балкона. Оба выходили на площадь. В день суда на площади собирался народ. Если у Ширваншаха перед этим была хорошая, ласковая жена, он надевал красные одежды, выходил на левый балкон и миловал. Если жена была неудачной, он надевал черные одежды, выходил на правый балкон и карал.

Скажем прямо, правосудие было крайне незатейливым и без лишних формальностей.

После посещения дворца мы отправились на базар, дабы пополнить недостающие запасы провианта. Пока наши дамы находились на базаре, мы разговорились с местным жителем, припарковавшимся возле нас. Вообще, наша машина вызывала неподдельный интерес, вернее не так машина, как номера, начинавшиеся на ЯЯ.

— Вы из Ялты или из Ярославля?

— Нет, мы из Киева.

— А что же значит ЯЯ? Это специальные номера?

— Нет, это старые киевские номера (звучало анекдотично).

В это время появились наши дамы с метровыми азербайджанскими огурцами и прочей

снедью. Единственное, что им не удалось достать — это хлеб.

Наш новый знакомый сообщил нам, что хлеб нам все равно не продадут — запрещено. «Что же делать?» «Пошли со мной, мне дадут». Я пошел с ним. Он подошел к первой же бабе, что-то сказал, она открыла мешок и вытащила пару лавашей.

— Почему у вас так строго с хлебом?

— Панимаешь, дарагой, — ответил новый знакомый. — Прислали нам прошлый год новый начальник милиций, наш, азербайджанец, но шибко гордый. Так ему то не так, да это не хочет. Какой-то штрафы — у нас так не делают. Предупредили один-первый раз, предупредили второй раз. Нэ понимает. Ловили вечером, раздели голым и пустили домой. У нас позор — это хуже, чем бьют. Думаешь — он понял? Нэт. Первый предупреждений нэ понял. Взял себе охрану — три человек. Словили всех четыре вместе — раздели совсем голые. Позор. Еще сильнее сделал охрану. В третий раз сделали голым на этот площадь, начал понимать. «Сушай, говорит он, — все, нэ надо штраф, торгуй, как хочешь, только, шоб я нэ видел». Сразу такой добрый стал. А лаваш есть у каждый баба, только он в мешке держит.

— А где тут у вас столовая или ресторан? Хочется горячего поесть.

— А, ты шашлиг хочешь? Столовая ты есть не будешь, ресторана нет. Поезжай по этой дороге от базара на юг. Едешь 12 километр — увидишь шашлиг. Там самый лучший шашлиг во всей Нуха.

— Но на карте вообще такой дороги нет.

— Зачем тебе карта. Хорошие люди за свой деньги дорогу строил, чтобы было где немножечко кушать.

Мы распрощались со словоохотливым аборигеном и отправились в горы по неведомой дороге. И была та дорога действительно 12 километров. Там она и кончалась. А в конце стояла хибара на курьих ножках. Возле нее бегало несколько овец. Внизу был мангал и какой-то закуток, завешенный серой тряпкой, а над ним открытая веранда. Мы поднялись наверх. Один стол был накрыт — за ним сидело шестеро мужчин, которые сразу умолкли при нашем появлении и стали нас разглядывать с большим удивлением. Появление в подобном заведении женщин здесь рассматривалось как случай, выходящий за все допустимые рамки приличия.

Хозяин принес таз с водой, помыл стол, принес и выложил перед нами зелень, хлеб в тарелке, порезанный крупными кусками.

— Шашлиг уже жарится на мангал. Свежий шашлиг, только-только бегал. Захочешь еще — вон другой шашлиг бегают. Ест хороший молодой вино.

От вина пришлось отказаться. Мы молчали и чувствовали себя крайне напряженно. Приходило на ум — неизвестная дорога, 12 километров от города, никого вокруг, тихонько прикончат, и никто не узнает.

Наконец, появились шашлыки. Нашим соседям надоело нас разглядывать, и они вернулись к своим занятиям. Выпили коньяк и продолжили игру. Я сидел к ним лицом и видел, как шла игра, но ничего не мог понять. Я попросил Эдика, чтобы он незаметно поглядел, так как не верил своим глазам. Собственно, сама игра мне была понятна, но ставки были какие-то сверхъестественные.

Играли они в игру, которая называлась у нас «чмен». Суть этой игры заключалась в том, что вы вытаскивали из кармана рублевую или трехрублевую купюру, на которой всегда был шестизначный номер. Ваш партнер, предположим, говорил «первая и четвертая». Подсчитывали сумму первой и четвертой цифры и сумму всех остальных, отбрасывали десятки, и если цифра у партнера была больше, он забирал у вас купюру, а если меньше, то давал вам аналогичную. Игра крайне несложная — «в деньги на деньги».

Но вся необычность той игры, которую я наблюдал, заключалась в том, что ставки были огромными. Играющий доставал не купюру, а банковскую пачку пятидесяток или сотенных.

Партнер называл цифры, они брали верхнюю купюру и считали по ней. В результате либо играющий отдавал эту пачку, либо его партнер отдавал ему аналогичную.

Я забыл о страхах. Игра вызывала жесточайшее любопытство. Я пытался прикинуть, какие суммы выигрывает каждый из них, и сам не мог поверить в результаты. Никакие нарциссы, гранаты, коньяки и прочая спекуляция в масштабах города Нуха не могли бы обеспечить такой разгул. В полнейшем недоумении мы покинули это заведение. Игроки не обратили на нас внимания — уж слишком они были увлечены игрой. Чтобы двинуться дальше на Ханлар, нам пришлось вернуться в Нуху и переехать на другую дорогу.

Выехали мы довольно поздно. Солнце зашло за горы. Отроги гор были все такими же лысыми и неприветливыми. Стемнело. На дорогу стали выходить шакалы. У нас по дороге было еще два населенных пункта. На них была вся надежда, так как на самой дороге не было ни съездов, ни даже какого-нибудь уширения. Когда мы, наконец, добрались до первого населенного пункта, нас встретили собаки, да не просто собаки, а кавказские овчарки — огромные, с желтой свалявшейся шерстью, злые и агрессивные. Они шли стаей, ноздря в ноздрю с машиной, не отставая ни на метр. Мы молились, чтобы не дай Бог не отказал

двигатель, и чтобы ни одна из них не попала под колеса. Второй населенный пункт оказал нам аналогичный прием. Людей не было — одни собаки. Уже было два часа ночи. И тут на горы села туча. Слева стена, справа обрыв и видимость один метр. Я шел впереди машины и показывал знаками — чуть правее, чуть левее. Скорость один километр в час. Не выдержав, Эдик взмолился:

— Любое уширение дороги, и мы должны остановиться.

Наконец, такая площадка появилась. Мы хотели ставить палатку, но дамы наотрез отказались. Основной аргумент: «вас сожрут шакалы, а мы отсюда уже никуда не выберемся». Пришлось ночевать, сидя в машине.

Проснулись часа через два от истерического Светкиного крика: «Эдик, летим! Останови машину, жми на тормоза!» Сначала мы не поняли в чем дело. Я точно помнил, что подложил камни под все колеса. Потом доехало. Начало светать, туча шла через машину. Машина дрожала. Было полное впечатление, что мы, действительно, летим. Успокоились, поспали еще часа два. Наконец встали, начали разминать затекшие конечности, мыться. Рядом оказалось небольшое ущелье. Пастухи — юные азербайджанцы привели овец и устроились в кружок вокруг нас. Для них это было

интересное зрелище, а когда мы начали чистить зубы, то они с энтузиазмом зааплодировали.

Приведя себя в порядок, мы двинулись на Ханлар. Во-первых, там, как нам сказал наш нухинский знакомый, можно дешево купить хороший коньяк, а, во-вторых, оттуда начинался подъем к озеру Гек-Гель, где мы надеялись найти Колю.



Приехали в Ханлар мы в мрачную пасмурную погоду. Моросил мелкий дождик, размывая и без того ужасную дорогу. Первым делом мы выяснили, где находится коньячный завод. Ворота завода были заперты. На проходной сидел мрачный пожилой азербайджанец в огромной кепке. Напротив завода был магазинчик типа сельской лавки: сигареты, коньяк, сахар, штаны, соль, рубашки. Возле магазина стояло несколько человек. Наше появление вызвало интерес. Мы к ним подошли:

— Здравствуйте!

— Салям алейкум! Откуда будете? Комиссия?

— Нет, мы туристы. Едем на Гек-Гель.
Говорят, у вас в Ханларе хороший коньяк?

— Да, коньяк в Ханларе замечательный.

— А где его можно купить?

— Вот, пожалуйста, дарагой, ходи в магазин, бери любой. Хочешь «Бакы», хочешь «Гек-Гель». Какой хочешь, такой пей.

— А не в магазине можно купить? Например, на заводе.

— Ты чего-то путаешь, дарагой. На завод работают люди, стоят бочки, делают коньяк, потом его забирают в бутылка, кладут в ящик и дают в магазин. На заводе делают, в магазин продают. Разве у вас не так?

— У нас тоже так. Но нам сказали, что тут можно купить с завода.

Тут к нам подошел пожилой человек и отвел немного в сторону.

— Ты откуда приезжал?

— Мы из Киева.

— Ви точно не комиссия, а то плохо будет.

— Да нет, мы туристы.

— Хороший город Киев, большой город Киев, а вы люди с Киева какой-то странный. Чего кричишь, как сумасшедший. Приехал себе, подошел спокойно, спросил все что хочешь, про

дорога, про погода. Потом говоришь: «Хочу выпить, но денег мало. Что советуешь». Мы бы угостили. Ты же на Кавказ приехал, дарагой.

— Да нам бы коньяк купить.

— Так бы и сказал. Эй, Абдулла. Это к тебе приехал ЯЯ из Киев.

Подошел Абдулла, молодой, очень смуглый человек с усами в промасленной кепке, и сразу спросил:

— Сколько брать будешь?

— Да вот у нас тут кухлик литра на четыре.

— Я сейчас иду на завод, я там все время работаю. А ты за мной не ходи, даже туда и не смотри, как будто ты меня не знаешь. Через 15 минут я выезжаю на большой машина через этот большой ворота и медленно еду по этот дорога. Ты садишься в свой машина и тоже едешь по той дорога. Когда я нажимал сигнал, ты остановился.

Действительно, через 15 минут из ворот выскочила полуторка и, побуксовав у входа, ринулась в ту сторону, откуда мы приехали. Абдулла через пять минут остановил машину и выскочил с криками:

— Стой, стой! Уже приехал! Извини, сигнал опять не работал. Бери посуда.

Улица, на которой мы находились, слабо была приспособлена для конспирации, но Абдуллу это не смущало.

— Ты знаешь, у нас очень строго. Потому я так далеко ехал, — сказал он и начал вытаскивать из-под рубахи грелки. — Давай пробовать будем.

— Нет, не можем, мы за рулем.

— Подумаешь, за рулем! А я что, не за рулем? У нас милиция сама пьет и всем разрешает. Хороший коньяк, юбилейный. Тут 4 литра. 4 рубля за литр. Давай 15 рублей.

Мы не стали вдаваться в неточности его арифметических расчетов. Коньяк пришлось-таки попробовать. Он, действительно, оказался отличным.

— Если понравится — пиши. Я сделаю посылка. Есть еще очень вкусни гранат.

Мы обменялись адресами и немного навеселе двинулись в сторону подъема на Гек-Гель.

Здесь мне бы хотелось сделать небольшое отступление. С Абдуллой я, действительно, впоследствии одно время переписывался. В связи с тем, что я представился Шурой, а письмо подписал Александром, он свои послания начинал эпически: «Дорогой Александру и Шура». Он считал, что у меня двойное имя. Его просьбы были несложными. «Пришли мне абмундировань для мой прумяник 12 лет». Заказы его «прумянника» я удовлетворял, и в ответ получал посылки с коньяком. Коньяк был разлит в большие бутылки от шампанского. Чтобы бутылки не разбивались, он между ними

прокладывал гранаты. Среди приятелей, прознавших о таком контакте, эти бутылки вызвали большой ажиотаж. У моего отца эта посылка вызвала некоторые сомнения. Поскольку он не знал о содержимом бутылок, он все время интересовался: «Зачем тебе такое количество шампанского? Разве приближается какой-то юбилей?»

ГРАФ НИКОЛАЕВИЧ

Первая посылка сослужила мне хорошую службу. Позвонил мне мой шурин Михаил Бялик из Ленинграда и сказал, что должен приехать в Киев его приятель — известный композитор Дмитрий Алексеевич Толстой, сын Алексея Николаевича Толстого. Он попросил, чтобы я его встретил, и дал мне номер рейса. «Как я его найду?» — поинтересовался я. «Ты его узнаешь, не беспокойся».

Поехать в аэропорт я не мог и приехал к агентству Аэрофлота, куда приходил автобус. Как только я вошел в зал агентства, я сразу понял, почему мой родственник сказал, что Дмитрия Алексеевича я узнаю сразу. По залу метался огромный мужчина в меховой кепке с козырьком, он был портретной копией Алексея Толстого. При

этом он громогласно провозглашал, ни к кому не обращаясь:

— Что у вас за город такой безалаберный! Машину в аэропорт не прислали, машину в агентство не прислали, администратора нет, встречающих нет, называется, пригласили.

Я подошел и представился. Он очень обрадовался. Повторил все свои жалобы и представил мне своих спутников — искусствоведа Раскина и его супругу. К этому времени появился администратор с машиной и кучей извинений. Мы отправились в гостиницу «Днепр», где им дали два приличных номера с видом на филармонию и Владимирскую горку. Обедать я пригласил их к нам, и они любезно согласились. Светлана расстаралась с закусками (тогда она уже была моей супругой), и на стол были поставлены бутылки Абдуллы. Дмитрий Алексеевич тоже удивился, зачем столько шампанского, но, узнав, что это азербайджанский коньяк «Юбилейный», очень оживился. И вот тут я понял, как кстати прибыла посылка Абдуллы. Толстой был непревзойденным рассказчиком. Он нам излагал удивительные истории, анекдоты, новости, шутил, смеялся и смешил нас. Мы сидели, открыв рот и, внимая ему, периодически хохотали. А он, не прерывая рассказа, вел в это время стол, говорил тосты, пил, ел, причем весьма активно, так что бутылки

опустошались одна за другой. В общем, обед удался.

На следующий день они с Раскиным должны были идти в Министерство культуры на обсуждение заявки на балет «Аэлита». Толстой был композитором, Раскин — либреттистом. Постановка планировалась в Донецком оперном театре. Договорились после этого встретиться у меня и отпраздновать победу, в которой никто не сомневался. Я проверил содержимое посылки Абдуллы и понял, что она меня еще раз выручит.

На следующий день у меня все было готово, и где-то в три часа дня появились мои гости. Они были мрачнее тучи. Дмитрий Алексеевич тут же опрокинул бокал коньяка и начал громыхать:

— Нет, вы только подумайте, какие кретины. Это они мне говорят, что я не понял отца. Я, видите ли, не понял, а они, видите ли, поняли. Оказывается, я не отразил советский народ в этом балете. А весь советский народ у отца состоял из двух человек — инженера Лося и бывшего красноармейца Гусева. Как вам это понравится?

Нам это, естественно, не понравилось. Но его мудрый либреттист оказался значительно более гибким политиком.

— Послушай, Митя, — сказал он Толстому, — пока ты тут кричал, я все придумал. Мы ничего менять не будем. Мы просто перед

началом даем преамбулу — апофеоз, где на сцену выйдет много статистов — советский народ, в том числе и космонавты. Апофеоз ты напишешь блестяще, в этом я не сомневаюсь, а дальше действие пойдет в соответствии с нашим либретто.

Как показало дальнейшее развитие событий, все, что предложил Раскин, вполне устроило чиновников от искусства. Он был очень умным человеком и хорошим искусствоведом. Раскин подарил мне две книжки, которые я потом с удовольствием прочел: «Растрелли — скульптор» и «Образ Шаляпина в русской живописи». В дарственной на книгах значилось «В память о киевских сидениях, с уважением...» и т. д.

Сидения продолжались больше недели, и все это время я испытывал благодарность к Абдулле, который так помог мне быть по-настоящему гостеприимным хозяином. И сейчас вкус коньяка вызывает во мне воспоминания о Ханларе.

Все это время мои приятели с неослабеваемым интересом следили за развитием событий вокруг «Аэлиты», почему-то называя Дмитрия Алексеевича Графом Николаевичем и переживая быстрое уничтожение запасов Абдуллы.

Благодаря Михаилу Григорьевичу Бялику я смог познакомиться с крупнейшими представителями музыкального мира, за что я ему очень признателен. Во время пленума Союза

композиторов Украины он привел к нам домой ведущих музыковедов: Келдыша, Кремлева и Гозенпуда. Я с большим интересом слушал их рассказы о детективной истории, ради которой они приехали на пленум. Их интересовала 21-я симфония Овсяннико-Куликовского, которая часто звучала в эфире. Они взяли в работу музыканта, нашедшего эту рукопись. Они отвели его в отдельную комнату и засыпали вопросами: почему 21-я, где остальные двадцать; почему о нем нет ни слова в музыковедческой литературе; почему его имени нет ни в одном документе, ни в одном письме музыкантов.

Сначала он попытался сплести версию насчет крепостного композитора. Это было совсем нереально. Когда эта версия лопнула, он признался, что сочинил ее сам, но боялся, что его произведение не станут исполнять. Тогда его засадили за рояль и, после перекрестного допроса с пристрастием установили, что он эту симфонию знает очень плохо. После всех этих дел симфония исполнялась, как произведение неизвестного автора.

В Репино в Доме творчества Мишель прознакомил меня с крупными композиторами: Петровым, Слонимским, Тищенко. Там же любил отдыхать и Граф Николаевич. Но пора возвращаться с Финского залива в горы Кавказа.

КАВКАЗСКАЯ ОДИССЕЯ (окончание)

В несколько более веселом настроении, чем обычно, мы начали подъем из Ханлара к высокогорному озеру Гек-Гель. Как только стемнело, мы опять врезались в тучу, но деваться уже было некуда. Дорога была узкая, между стеной и пропастью, видимость ограничивалась одним метром, об «развернуться» не могло быть и речи. Я шел по дороге, корректируя действия водителя, а Эдик страдал за рулем. К турбазе мы добрались уже к исходу ночи, вызвав искреннее удивление начальника лагеря.

— Мы уже тут третий день сидим без хлеба. Никто из водителей не хочет идти через тучу, а вас вдруг занесло. Да еще и ночью!

Нас определили в палатку отсыпаться, а наутро мы нашли Колю. Тут нам пригодился наш кухлик из Ханлара. Коля тоже проявил восточное гостеприимство. Нам накрыли стол в столовой, которую торжественно обозвали рестораном. Коля притащил откуда-то трех музыкантов, игравших на неведомых нам очень скрипучих и визгливых инструментах. Прямо пир князей по Пиросмани. Благо у нас был с собой лаваш, оставшийся из Нухи, так как хлеба в «ресторане» не было.

Как только началось застолье, мы тут же задали Коле вопрос, терзавший нас последние два дня в отношении игры в чмен на окраине Нухи. Коля воспринял этот вопрос спокойно.

— Да, там у людей есть очень большие деньги.

— Но такие деньги нельзя заработать ни на какой торговле.

— Понимаешь, в чем дело. Там когда-то была столица Шекинских ханов. Как мне говорили, во время революции они попрятали все свои камни и золото, а родственники второго и третьего поколения остались. Им как-то удалось перевести это в деньги, и теперь они не знают, что с этими деньгами делать. Самое большее, что они могут себе позволить — это съездить два раза в год в Москву и там тихонько погулять без особой рекламы. Поэтому они построили за свои деньги хинкальную за городом, провели туда шоссейную дорогу, сидят там и перегоняют деньги из одного кармана в другой под хороший коньяк.

После некоторого возлияния спуск показался нам более легким.

Дальше наш путь лежал в Нахичевань. Дороги были тяжелые. Один раз мы видели грузовик, скатившийся в пропасть. Наверху стояли два «Москвича». Мы остановились и спросили — нужна ли наша помощь. Нам ответили довольно

грубо: «Проезжай! Это не твое дело. Это наше дело!» Нахичевань поразила нас женщинами, завернутыми в розовые и голубые покрывала, мужчинами, сидящими весь день в чайханах и пьющими чай, и восточным базаром. На прилавках лежали метровые огурцы, фрукты, на натянутых веревочках колготки, платки. Кучками лежали иностранные сигареты, зажигалки и презервативы. Чувствовалось, что граница очень близко.

В мечети нас приняли радушно. Пока мы мыли ноги в источнике, служитель принес нам чай, который мы пили прямо на ступеньках мечети. Потом он показал нам интерьер, сплошь увешанный коврами.

Из Нахичевани наш путь лежал вдоль Иранской границы в Армению. Мы ехали по дороге, на которой не было ни людей, ни машин. Дорога была не очень определенной, и однажды нам даже показалось, что мы пересекли вспаханную полосу. Наконец мы уперлись в пограничный пост. Там проверили документы и велели поворачивать назад, на Нахичевань. Нам стало тошно, когда мы представили себе обратную дорогу через Нагорный Карабах в Азербайджан. Попросили позвать начальника. Лейтенант оказался молодым парнем из Житомира, мы перешли на украинский, показали документы, показали письмо из Союза

архитекторов, которым я предварительно запасся, сказали, что изучаем восточную архитектуру.

— Ну добре, хлопщ, зжайте по щш дорозі до Звартноца. Коли буде хто питать, кажить, що я перевфяв документа.

При подъезде к Звартноцу мы, действительно, опять наткнулись на пограничный пост. Там стояло несколько машин, и их водители громко спорили с пограничниками. Мы заперезживали. Однако они посмотрели наши документы и тут же пропустили.

— Багажник открывать? — спросил я.

— Да что там у вас может быть особенного? Это мы контрабандистов ловим, — сказал пограничник. — Здесь у каждого второго родичи на той стороне.

Ночевали прямо у развалин Звартноцкого храма. Дальше нас ждал древний Эчмиэдзин, где мы увидели главу армянской церкви — каталикоса, красавец Ереван с шедеврами архитектуры Таманяна и Исраэляна. Мы почувствовали, что Армения, действительно, самая древняя страна в нашем Советском Союзе. Мы посетили Гарни, где увидели настоящий греческий храм, стоящий на фоне гор, Гегард — старинный храм наполовину вырубленный в скале. От впечатлений уже разрывалась голова. Но надо было выполнить до конца намеченный маршрут, и мы поехали в Грузию.

В Тбилиси у меня оказался приятель, который показал нам Пантеон, покатал на «канатке», напоил вкуснейшим лимонадом, накормил хачапури по-аджарски в подвальчике Лагидзе и рассказал, как проехать в Мцхету. Возле Джвари Мцхетской я взобрался на камень и начал громко читать лермонтовского «Мцыри». События, описываемые в этой поэме, как я понял, происходили где-то здесь. Когда я дошел до слов:

«Я мало жил, и жил в плену,
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог...»,

находившиеся поблизости грузины не выдержали и положили передо мной пару рублей в лежавшую рядом шапку, а один даже принес бутылку вина. Вид у меня, скажем прямо, был еще тот. Месячная поездка измочалила тенниску и штучные китайские брюки до плачевного состояния. От опасной бритвы и станка мы уже отвыкли, а при нашем образе жизни электробритва была бесполезна. Механической бритвой я мог брить только голову. Так что мой облик завершала поросшая редкими кустами лысина и четырехнедельная нечесанная борода. Этот вид легко вписывался в лермонтовскую поэму.

После Джвари мы решили даже перевыполнить программу и посетить пещерный город Вардзи. Он находился недалеко от турецкой границы. На подъезде к нему нас остановил шлагбаум пограничного поста. Опять в ход пошли документы, членский билет Союза архитекторов, письма. Ничего не помогало. Попросили начальство. Пришел лейтенант, сказал, что надо было думать раньше и оформлять документы на пребывание в пограничной зоне по месту жительства. Но если мы заполним анкеты, он нам разрешит посмотреть пещерный город. Опять пошло: номер паспорта, где живешь, где родился, где прописан и т. д. Он забрал анкеты, исчез на полчаса, а вернувшись сообщил, что ему начальство запретило заниматься самодеятельностью, и он нас никуда не пустит.

— Вы откуда приехали? — спросил он еще раз, глядя в анкету. — Из Киева? Вот в Киев и поезжайте. Нечего вам шляться в пограничной зоне.

Мы настолько были переполнены впечатлениями, что по дороге домой уже мало куда заезжали, и думали только о возвращении. Тридцать пять дней мы вели цыганскую жизнь, и нас помаленьку уже начало тянуть к цивилизации.

По возвращении остался всего один день на отсыпание, отмывание и прочие процедуры. Когда я вышел на работу, произошло то, чего я никак не

ожидал — я привык уже к своему имиджу. Весь институт сбежался на меня смотреть. Темный загар, лысая голова, окладистая борода вызвали живейший интерес. Меня просили не сбривать бороду — оставить хотя бы на время для колорита.

А через месяц разразилась гроза. Меня вызвал к себе директор.

— Саша, — сказал он мне мрачным голосом, — неужели это так серьезно? — А я все время думал, зачем тебе эта коричневая лысина и борода, а ты, оказывается, вот что задумал.

— Вы о чем, Сергей Константинович?

— На, читай, — и он протянул мне официальную бумагу со штампом МВД.

В бумаге говорилось, что «ваш сотрудник нарушил пограничный режим с Турцией», что на него наложен штраф — 100 рублей, и что этот случай следует разобрать и осудить на общем собрании. Пришлось объяснять ему все с самого начала. Он поверил, сказал, что никаких собраний не будет, но бороду попросил сбрить. Бороду я не сбрил. На следующий день я получил аналогичное письмо домой с указанием, куда и когда платить штраф за нарушение пограничного режима с Турцией.

Освобождение от этих обвинений пришло совершенно неожиданно. У нас в отделе работал Геннадий — геодезист. Он был настоящим

профессионалом в двух областях — вертикальная планировка и выпивка. Держался он, как правило, только до обеда, и это всех устраивало, так как он за полдня делал больше и качественнее, чем другие «вертикальщики» за два дня. Ровно в 12 часов в дверь просовывалась физиономия кого-нибудь из его друзей и с возмущением сообщала, что люди уже гуляют, а мы ни в одном глазу. Геннадий быстро собирал инструменты и стремительно направлялся к выходу. И никакая сила не могла его остановить. Когда кто-то из нас говорил, что может не стоит так рано идти закладывать, он тут же отметал все претензии, звал ментора с собой и сообщал, что он собирается не выпивать, а только перекусить.

Один из его близких приятелей — архитектор из Киевпроекта, также считался большим специалистом в этой области. Учитывая их огромный практический опыт, проектирование киевского вытрезвителя поручили именно им. Там они познакомились с большим количеством представителей МВД и показали удивительно тонкое знание вопроса.

Когда я принес письмо из милиции на работу и показал его своим коллегам, Геннадий отвел меня в сторону и сказал:

— Послушай, зачем тебе платить штраф, давай лучше мы эти деньги пропьем. Зачем тебе

вообще нужно, чтобы такая бумага оставалась у тебя в деле. А вдруг тебя захотят послать за границу?

— А как же это сделать?

— Я сегодня должен встретиться с бывшим начальником вытрезвителя. Ты говорил, что у тебя хороший коньяк, возьми с собой фляжку — подъедешь со мной в обед.

В обед мы подъехали на какую-то базу. Там на директорском месте сидел довольно солидный человек, который посмотрел на мою бумагу и сказал, что это не проблема.

— Может, выйдем в кафе, обсудим. Здесь недалеко, — начал Геннадий накатанную преамбулу.

— А что у вас есть?

Я вынул фляжку с коньяком.

— Азербайджанский юбилейный.

— Ну вот что, распивать с вами коньяки у меня времени нет. Пейте без меня, — при этом он вынул из ящика стакан, — а мне налей на пробу — только полный, я потом продегустирую. Позвоните мне завтра утром — я вас проинструктирую.

На следующий день нам было назначено место встречи с капитаном милиции и велено не мелочиться. Тертый капитан пришел в штатском и потащил нас сразу в подвальчик на Маложиитомирскую. Как только мы получили